

Александр Князев

Пространство, именуемое подножием мира...

Чак чаки борони бахор

*(«капли дождя стучат
и я вспоминаю тебя»).*

Среди самых интересных мест на земле Бадахшан по праву занимает особое положение. Во многом это объясняется труднодоступностью и, особенно, той таинственностью, что окружали его на протяжении многих веков. Бадахшан — это в основном Памир. На востоке он ограничен Кашгарскими горами, на западе — горным массивом Кухилал и Дарвазскими горами.

И хотя по территории издавна пролегали великие караванные пути, соединяющие Индию, Китай, Персию, Среднюю Азию и Европу, во все времена он оставался не затронутым влиянием других культур и цивилизаций. Именно через Бадахшан происходило распространение буддизма из Индии в Китай. По бадахшанским караванным тропам везли в Китай военные кольчуги для китайской армии из Согда, из Шугнана — шиповник для китайского императора, музыкальные инструменты из Бактрии и Согда. Обратные караваны шли с китайскими товарами: бумагой, шелком, фарфором и т.п. Здесь проходили ветви Великого Шелкового Пути, которые были связаны с добычей лала (лаъла) — благородной шпинели в Шугнанах и перевозкой его в Вавилон, Египет и Китай.

В административном отношении современный Бадахшан расположен в юго-восточной части Таджикистана и северо-восточной области Афганистана. Эти две части Бадахшана были разделены в 1895 году российско-британскими соглашениями, игравшими важную геополитическую роль, но не учитывавшими,

конечно, исторического и культурного контекста региона. Пяндж — река, разделяющая Памир. Справа — Таджикистан, слева — Афганистан, слева — памирцы, не считающие себя афганцами, справа — памирцы, не считающие себя таджиками. Деревья, дороги, дома, базары, люди, пограничники — все вдоль Пянджа... Еще до недавнего времени здесь сохранялись места, куда еще не проникли такие столь распространенные в Средней Азии животные, как осел, собака или курица. А до конца XIX — начала XX века даже железо на Памире находилось лишь в небольших количествах и ценилось очень высоко, едва ли не на вес золота. Его широкое распространение началось лишь после прихода русских и открытия безопасного сообщения с Ферганой. По дорогам, идущим вдоль рек, брели караваны, а на всей остальной территории Памира продолжали жить своей особой жизнью мелкие этнические группы, разделенные между собой чрезвычайной трудностью сообщения. Часто жители соседних кишлаков говорили на разных наречиях и плохо понимали друг друга. Еще бы: в Бадахшане проживают памирские народы — рушанцы (рыхен, рухни), ишкашимцы (ишкошуми, ишкошими), ваханцы (вахы, хик), сангличи, зебакцы, мунджанцы, шугнанцы (хугни), дарвазцы, и другие. К слову, в сопредельном Пакистане ваханцы живут в верховьях реки Ярхун и в долине реки Хунза в Кашмире, мунджанцы и йидга — в Читрале, а сарыкольцы и ваханцы — аж в китайском Синьцзяне... И это еще не все, а есть и таджики, и киргизы... Помимо торговых караванов и военных отрядов по памирским трассам Великого Шелкового Пути проходили миссионеры и паломники, что позволяет называть эту дорогу «дорогой идеологий». Археологические исследования свидетельствуют о пестром характере доисламских верований бадахшанцев, которые поклонялись огню, солнцу, проповедовали культ предков и почитали Будду...

Бадахшанцы сохраняют в языке и в быту много элементов древнеиранской идеологии, но они имеют и свою специфику. Это отразилось во многих ритуалах и обычаях, например, во время свадебной церемонии, ритуала с огнем и в ритуалах домашнего очага. Жених перед уходом за невестой и всякий уходящий в путешествие из дома должен поцеловать домашний очаг с зажженными

благовониями. Свои особенности сохранились и в языке. Например, древнеиранское божество плодородия и воды — Анахита (Нана), сохранилось в шугнанском языке под именем материи — Нан. Авестийское Замёд (Земля), как один из священных элементов сохранилось в слове Земад (Земля). Таких примеров можно привести множество. А почитание огня — как элемент — вошло даже в исламскую идеологию. Это можно увидеть в обряде поминаний ушедших — зажигании факела (чарогравшанкуни).

А над селением Вранг, на изрытом искусственными пещерами утесе раскопан культовый буддийский комплекс IV-VII веков, состоящий из трехступенчатой постройки, возвышающейся над двором, окруженным высокой стеной с башнями и обстроенного по периметру монастырскими помещениями. Об увиденных в Вахане в VII веке буддийских монастырях писал Сюань Цзянь и вряд ли случайным выглядит факт обнаружения на Памире буддийской надписи, расшифрованной как «Нарайяна побеждай». Тем не менее, большая часть населения Бадахшана поклонялась все-таки древнеиранским культам, связанным с почитанием огня и солнца. В селении Зонг раскопано небольшое святилище огня, состоящее из небольшого крестообразного в плане помещения с длиной крестовин 5,5 - 6,5 метров. По трем ветвям креста располагались суфы, а четвертая снабжена полукруглым очагом, соединенным с прямоугольным каменным ящиком для сбора священной золы. Вообще же, большинство бадахшанцев — последователи исмаилизма. При этом этнографы отмечают чрезвычайно развитый параллельно культ солнца в Бадахшане. Важно, что солнце здесь именуется Али. Исмаилизм впитывал в себя народные домусульманские верования и культы, переосмыслил их, приспособив к своему вероучению, поэтому Солнце — бог-творец (он же Мухаммад-Али, он же Муртазо-Али, он же Мавло-Али). И речь здесь идет не только об Имаме Али, который почитается шиитами наравне с самим Пророком Мухаммедом. Это действительно так, но и не совсем. Помимо Имама Али в культе Солнца у бадахшанцев заключен также Али архетипический, прямым воплощением коего и является Имам Али исторический.

Крепость Каахка называется так по имени легендарного богатыря, царя сияхпушей-огнепоклонников.

Остатки этой древней глиняной крепости IV века нашей эры высятся на скалистой возвышенности, на берегу реки Пяндж, где в него впадает со стороны Афганистана многоводный приток. Обрывистые склоны постепенно снижаются, и этот гребень обведен по краям стеной, сложенной из сырцового кирпича на каменном фундаменте. Эрозия сильно разрушила стены с внутренней стороны крепости, но снаружи они представляют собой довольно мощное сооружение с многочисленными башнями и можно себе представить, какой неприступной и грозной казалась она в древности, закрывая собою пути вниз по Пянджу, в сторону Ишкашима, и вверх через Гиндукуш — тропу к перевалу от устья притока, где ныне раскинулся живописный афганский кишлак Иштарг.

Можно также предположить, что наряду со стратегическими задачами по защите от потенциальных завоевателей своей территории, с помощью крепости Каахка решались и локальные

задачи, например, охрана важного моста через реку, который, по описаниям путешественников, существовал в этом районе еще и в начале XX века. Рядом – кишлак Наматгут, название которого, по мнению востоковеда И. Стеблин-Каминского, от санскритского слова «наमतгата» — «священное место». В этом селении находится святое для исмаилитов место — мазар Шохи Мардон Хазрати Али, возможно доисламского происхождения. Он представляет собой строение с балконом, потолок которого устроен по образцу памирского национального дома (чорхона). Внутри мазара находятся промасленные камни и рога горного козла, что свидетельствует о «святости» этого места для здешних жителей. Эти атрибуты «святости» являются отголосками древних домусульманских культов и верований, которые никогда не исчезали, но с течением времени приобретали новый смысл.

В Тавильдаре, на пути в Хорог. Слева — кинооператор Дмитрий Маковеев.

В 47 км от Хорога, административной столицы таджикского Бадахшана, за Пянджем, в афганском Бадахшане над селением Кухилал высится одноименная гора - месторождение благородной шпинели, известной как «бадахшанский лал» и упоминаемой в «Худуд-ал-Алам» (982 год), книге «Минералогия» ал-Бируни и в книге Марко Поло, писавшего о том, что жители «области Баласиан [Бадахшан] ...роют в горе Шигхинан [Шугнан] и добывают там балаши [рубины] по царскому приказу». В горе Кухилал обнаружено около 500 древних выработок VIII-XI века. Бадахшанский лал в старые времена славился повсюду. Согласно поверью, лалы в Бадахшан принес святой Сулейман, который заставлял работать на рудниках дивов. В Систе на берегу Пянджа еще в начале прошлого века стояла крепость, недалеко от развалин крепости есть мазар покровителя лаловых рудников «Ходжа лал». Там, говорят, похоронен сам Ходжа Лал, а когда в этих местах был Сулейман, на месте мазара он раскидывал свой шатер...

Российскую императорскую корону, изготовленную в 1762 году, венчает ярко-красная шпинель массой 398,72 карата, которая служит подставкой для креста из бриллиантов. Камень в конце XVI века приобрел в Пекине для царя Алексея Михайловича русский посол Николай Спафарий. Это — тот самый бадахшанский лал. В качестве драгоценного камня он был известен очень давно, хотя ни Плиний, ни Елифаний, ни другие античные авторы как отдельный камень его еще не упоминают. Примерно в IX-X веках стали различать яхонты (рубин и сапфир) и лалы — разновидность благородной шпинели, хотя уже ал-Бируни однозначно определяет камень как бадахшанский лал. Бадахшанский лал несколько светлее темно-красного рубина. Без преувеличения можно сказать, что символом Бадахшана является этот самоцвет. Есть устойчивое выражение «Лали Бадахшон» — «бадахшанский лал» и выражение это не геологическое и не ювелирное, а скорее сакральное. Весь Бадахшан и есть страна лала. И здесь обнаруживается второй солярный бином. Солнце в силе — Али и солнце под землей — лал. Лал это невидимый Али, но Али, который всегда здесь, невидимо присутствует. Он же — сокровенный Имам.

Традициям, заложенным во времена Насир-и Хусрова, исмаилиты Бадахшана следовали вплоть до начала XXI века. Много веков назад была разработана иерархическая система управления общиной, состоящая из семи ступеней. На верхней ступени находится Имам времени, за ним следует худжат, даи, муаллим ас-садык, маазун-и акбар (в иерархии исмаилитов Афганистана — пир), маазун-и асгар (или халифа) и мустаджиб (мюрид — рядовой верующий). По такой нисходящей цепочке в общину передавались наставления Имама времени. Пир и халифа сохраняются в Афганском Бадахшане по настоящее время, их должности являются не выборными, а наследственными, а обязанностями главным образом только сбор и расход закята. 11 июля 2002 года исмаилиты Бадахшана получили фирман от Имама Ага-Хана IV о реформе старой системы на основании Конституции исмаилитов. Главным было сообщение об упразднении должности пиров в афганской общине. Пира в общине с этого момента должен был заменить *муки*, который становился старшим в каждой общине-джамаате. Каждая сельская община получала своего рода «старосту», имевшего более быстрый доступ к верховному руководству исмаилитской общины. Следующим за *муки* в иерархической структуре религиозной общины исмаилитов продолжает оставаться халифа, который отвечает за правильность исполнения свадебных церемоний и похоронных обрядов, а также традиционных мусульманских праздников. Халифа может также выступать с проповедью в джамоат-хона и разъяснять людям суть исмаилитского учения. На момент издания фирмана в Бадахшане было более 10 пиров. Наиболее уважаемым считался тот, у кого больше последователей-мюридов. К таким пирам жители Ишкашима относят пира из селения Зебак Шо Абу-ль Моани, имеющему более 1000 мюридов не только в Афганистане, но и в соседних Пакистане (Читрале, Гильгите) и Таджикистане (Дарвазе, Шугнани, Вахане). Фирман Имама, устраняющий их должности, стал серьезным ударом для всех пиров Афганистана.

В исмаилизме, возникшем в среде арабских и иранских мусульман, всегда был и остается силен культ любви к знаниям и просвещению. Традиция науки и образования сильно сохраняются в среде бадахшанских исмаилитов до сих пор. Большой вклад внесли

исмаилитские мыслители в культуру Средней Азии во времена Саманидов. Известный поэт и мыслитель XI в. Носир Хисрав, который возглавлял миссию просвещения Хорасана, навсегда оставил память о себе в сердцах жителей Горного Бадахшана. Мифологический сюжет ухода культового героя или сакральных предметов под землю, в сокрытие, хорошо известен у многих народов. И у бадахшанцев популярна сказка про Носира Хисрава, помещенная в контекст «лал — солнце»: «Наш пир — Шо Носир. Во время своих путешествий он проходил по этим местам. Потом он отправился в афганский Бадахшан, где и поселился в селении Юмган. В конце жизни Шо Носир вошел в пещеру, и горы сомкнулись. Все, кто сопровождал его, остались снаружи. Больше никто не видел Шо Носира»...

Где-то там, в Бадахшане, находится рай, где время течет медленно, и где герои легенд пропадают на несколько веков...

Памирцы и бадахшанские таджики по натуре открыты, правдивы и не любят фальшь и обман. Исторически они всегда предпочитали те мировоззренческие системы, где честность, истина и справедливость имеют доминирующую ценность. Так было с зороастризмом, так было с исламом, так было и с коммунизмом. Однако, они не формалисты и не фанатики, они рациональны в выборе пути. Они не отрицают форму, но больше уделяют внимание смыслу, как это присуще исмаилизму. По все вероятностей, исмаилизм проник в Горный Бадахшан очень давно, т.е. еще до X в. Косвенным свидетельством, это являются обнаруженные исключительно здесь древнейшие рукописи шиитского и исмаилитского толка. Для примера можно назвать рукописи «Умм-ул-китаб» — отрывки из космолого-теологической системы исмаилитов времен имама Джаъфара Садика. Видимо деятельность Носира Хисрава совпало с этой готовой благодатной почвой. Здесь, именно в этих теснинах гор, он создавал свои основные философско-теологические сочинения, а также диван стихов, и как он сам выражается, каждый год он их распространял по всему миру. К сожалению, они сохранились в основном, только здесь.

Один из самых отдаленных уголков, где живут афганские исмаилиты — уезд Зебак вблизи пакистанской границы. Зебак

окружен со всех сторон снежными вершинами, отдаленность от больших дорог делает его каким-то нереальным, словно расположенным на другой планете, живущим по своим особым законам. Собственно так оно и есть. Женщины здесь не носят чадры, лишь прикрывая лицо платком при встрече с незнакомцами, для мужчин не обязательно ношение бороды...

Ваханец.

Особое место в Бадахшане, занимает так называемый «Ваханский коридор». На карте это то самое место, где почти сходятся границы четырех государств: Китая, Таджикистана, Пакистана и Афганистана. Узкая полоска земли, большая часть которой занята не просто горами — восьмитысячниками! — была

определена российско-британскими соглашениями за Афганистаном именно в буферном качестве, когда Россия пришла в Среднюю Азию и Британия была вынуждена в этом считаться. Этот «аппендикс», отделяющий Таджикистан от Кашмира, — свидетельство нежелания двух держав иметь общие границы между своими колониальными владениями. Российским до недавнего времени, а теперь уже таджикским, пограничным постам, которые находятся здесь, — от 110 лет и более... Именно сюда гонимый страхом перед полным разгромом басмаческого движения переселился в 30-х гг. со своим кочевьем из рода тейит лидер памирских (мургабских) киргизов, легендарный уже Рахманкул-хан. Однако мирная жизнь в узких ущельях и долинах афганского Памира не была столь уж спокойной. Да, со своими многотысячными стадами Рахманкул был одним из самых богатых местных вождей в тогдашнем Афганистане. Он имел хорошие связи с королевским афганским режимом, который присвоил хану титул «Pasbani Pamir» — «Защитник Памира» — в знак признания его роли в обеспечении безопасности северо-восточной границы страны. Но все закончилось, включая и единоличную власть Рахманкула среди местных киргизов, в апреле 1978 г., когда Народно-демократическая партия Афганистана пришла к власти в Кабуле. В этом году, предчувствуя, вероятно, перемены, Рахманкул увел подчиненные ему 250 юрт в новую эмиграцию.

Двухнедельный изнурительный путь по кручам Гиндукуша и Каракорума закончился в августе 1978 г. в Гилгите и Хунзе — на оккупированной индийской территории Северного Кашмира. Весной 1980 г. неграмотному Рахманкулу, чувствовавшему недовольство соотечественников, случайно попала в руки ярко иллюстрированная книга с изображением ландшафтов Аляски. Появилась идея. Первым шагом по ее реализации стал визит Рахманкул-хана в американское посольство в Исламабаде: он просил о выдаче иммиграционных виз для киргизских беженцев с последующим переселением на Аляску. После долгих проволочек американское правительство ответило отказом. Отозвалась этнически родственная Турция: в марте 1982 г. турецкое правительство приняло решение о расселении памирских киргизов в Восточной Анатолии, в окрестностях озера Ван. Однако четыре года пакистанской эмиграции породили трещину в

отношениях подчинения между Рахманкулом и некоторыми киргизами. Другой лидер — Абдрашит Оогонбек уулу, и примерно 50 семей, отказались следовать за Рахманкул-ханом в Турцию. Они предпочли вернуться в Афганистан. Отдельные киргизские семьи при этом остались на территории Кашмира, в районе Гилгита, Хунзы, расселившись постепенно в области пакистанского Читрала и по всей Северо-Западной пограничной провинции вплоть до Пешавара.

Так что, помимо памирцев и таджиков важное место в этнической картине Бадахшана — хоть таджикского, хоть афганского — занимают еще и киргизы.

По пути из Зебака к Ишкашиму над долиной грозно возвышаются багровые в лучах скудного солнца скалы: это Сорх-Дара — «красная долина». По преданию, где-то в этих местах обретал страшный дракон, ежегодно собиравший с окрестных жителей ужасную дань — сотни молодых юношей и самых красивых девушек. И где-то в этих же местах в жестоком поединке дракон был убит Хазратом Али, четвертым праведным халифом, кровь дракона и окрасила горы. И здесь исламский персонаж активно включен в отнюдь не исламскую мифологию...

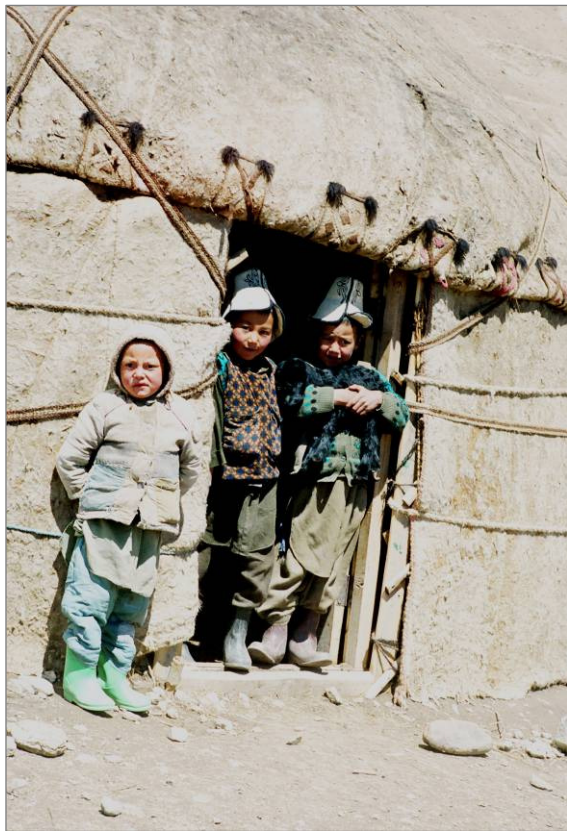
Почти напротив Сорх-Дары — небольшой кишлак Шувол-Дара. Сейчас апрель, через месяц-другой все здесь будет залито водой и небольшой кишлак окажется отрезан от внешнего мира до осени. В Шувол-Даре нас ждет Абдулазиз, сын Мулло Баки. Абдулазиз — киргиз. Впрочем, в Киргизстане его предки никогда не жили. Отец перебрался сюда с семьей из Кашгара, сам Абдулазиз уже местный уроженец. При этом он сам, дети, все говорят по киргизски. Влияние фарси, конечно, заметно, но, думается, жители Киргизстана его бы поняли с первых слов.

Чувствуя за спиной родину, мы извлекли свой подарок и Абдулазиз, сняв чалму, умелыми движениями придал нужную форму белому калпаку, привезенному из Бишкека. Больше он новый ак-калпак не снимал. «Я знаю, в таких наши отцы и деды ходили»...

Семья Абдулазиза — единственная киргизская семья в этой округе. Таких одиноких киргизских семей в Бадахшане, по его словам, разбросано около сотни. Они как только могут сохраняют обычаи, тщательно берегут все, что связано с никогда не виданной

ими родиной. Сыновей у Абдулазиза двое — маленькие Абдулсаттар и Абдулхамид, их киргизские калпаки, между прочим, домашнего производства. Дочерей больше — пять, или шесть... — таков был ответ хозяина. Двое дочерей Абдулазиза замужем за киргизами, живущими на Малом Афганском Памире. Это главное место компактного проживания киргизов на территории Афганистана. Жена Абдулазиза тоже родом оттуда. С Памира берут невест, туда же невест и поставляют. Сейчас киргизов на Памире, утверждает Абдулазиз, около двухсот семей. Многие остались в Кашмире и с ними Абдулазиз иногда встречается, когда гоняет скот на продажу в

пакистанский Читрал, порой добираясь до самого Пешавара.

Абдулазиз доволен своей жизнью. Есть хозяйство, семья не голодает. Откармливает коров и баранов, вот только продавать здесь некому, а в Пакистан, хоть и рукой подать, часто не выберешься. Сеет пшеницу, ячмень, вполне хватает на жизнь. Он утверждает, что земля здесь очень плодородная. Понятно, что все в мире относительно. Но сколько же пота и крови нужно излить, чтобы на этих камнях что-то выросло?..

Абдулазиз не унывает. Грех жаловаться, говорит он, все сыты и обуты, война кишлак обошла стороной. Когда были советские войска, заглядывали, вели себя вполне прилично, да еще и киргизы среди солдат были, так что и не завоевателями оказались, а

вроде как в гости зашли. Один из них потом еще не раз навещал Абдулазиза, пока войска не вернулись в Союз...

Киргизы, живущие на Афганском Памире, не склонны уезжать в Киргизстан. Да, были представители киргизского правительства, вели такие разговоры. Афганские киргизы отказываются менять свои нынешние земли на неизвестную для них историческую родину. Здесь, они смело могут называть своими собственными пастбища Афганского Памира. В Киргизстане они боятся неопределенности. «Меня никто здесь не трогает, права мои на землю никто не подвергает сомнению, хотелось бы, конечно, просто съездить, посмотреть на землю моих предков, но вы же понимаете, на это нужно много денег, — рассуждал Абдулазиз. — Здесь у меня кусок хлеба будет всегда. А там — кто его знает?...»

Из Бадахшана, или, если угодно, с Памира, нельзя уехать просто так. Бадахшан — это не просто нагромождение гор и народов. Это иное измерение, это страна с непостижимыми для мира равнин законами. Здесь будущее лучится из прошлого, и видятся вещие сны. Ведь часто горцы знают о том, кто к ним вскоре придет, они знают, что произойдет с ними в будущем. Как говорит древнее предание Бадахшана, тот, кто доберется на вершину Трона Соломона, познает все тайны земли и небес, а главное, войдет в небесную обитель своей собственной души. Здесь много путей: через пещеры, одни из которых наполнены сокровищами, как Мата-Таш, другие, как Дунья-Таш, имеют подземные ходы, ведущие в Индию, Китай, Афганистан, третьи светят днем и ночью, как «гора-фонарь» Чюрак-Таш...

И все эти пути будут лежать через пространство, именуемое Пои-мир, Пои-мехр, По-ми-ло, Фанмир, Бам-и Дунья — Страна света, Небесные горы, Страна озер, Пустыня смерти, Крыша мира — все это синонимы подножия мира. Того, откуда некогда великаны, проклятые Богом, — это еще из одной из множества бадахшанских легенд — созерцали всю землю, лежащую у их ног...

Фото автора